

Михаил Михайлович, считаете ли вы художественную фотографию искусством?

— Есть фотография любительская. А есть художественная, которая является искусством. Искусством XX века, причем абсолютно полноправным. Она уже сама это доказала в процессе жизни. Фотография иногда может выразить то, что не выразит даже живопись.

В моей жизни фотография сыграла огромную роль. Знакомство с ней начинается, как правило, в детстве, когда ты разглядываешь на снимках, как я, никогда не виденных тобой дедушку или бабушку. В моем случае — это были еще дагерротипы, потому что первая фотография моей мамы сделана в 1903 году, когда маме было около года. Я с детства помню фотографию бабушки по материнской линии. Эта фотография висит у меня дома. Бабушка на ней с обнаженными плечами и перетянутой талией. Это такие коричневые фотографии. Есть фотография, где мы и дедушкино семейство сидим за столом, рядом священник в рясе и сенбернар, о котором мне рассказывала мама. Вот как это начинается. Потом идут фотографии, сделанные относительно недавно, где папа — гимназист или мама — воспитанница Института благородных девиц в Петербурге. Дальше история в фотографиях продолжается где-то ближе к 30-м годам, когда ты еще не родился, но папа «женится» с мамой. А потом ты сам делаешься объектом фотографий. У меня по сей день в доме висит довоенная фотография, где нас четверо: бабушка, та самая, с когда-то перетянутой талией (она погибнет в блокаду), брат Вова, который на десять лет старше меня, брат Боря, который на четыре года старше, и я, совсем маленький, на руках, месяцев восьми, черный, как негр, потому что няня меня много возила гулять. Это одна из немногих фотографий, где есть мои братья. И так начинается уже твоя жизнь в фотографиях, которая продолжается по сей день. Это и семейные фотографии, и дружеские, те самые остановленные мгновения, запечатленные сначала каким-нибудь «ФЭДом». Своим первым фотоаппаратом «Пионер» я стал снимать еще в школе. Есть и эти фотографии, среди них много смешных. Но они в Бахрушинском музее. У всех фотографий своя судьба. Многие исчезают. А бывает, приносят какую-то фотографию, о которой ты и забыл, как забыл о том, что было в тот момент, где ты был и с кем. И вдруг все всплывает в памяти, события оживают. Фотография — это колоссально! Других же фотографий, художественных, у меня в жизни было немного — я не люблю позировать. И, честно сказать, не умею.

В моей жизни есть еще фотографии, связанные с моей профессией. Когда-то я собирал все фотопробы на роли, даже когда меня не утверждали. И это тоже целая

бительскими фотографиями или делать их из кадров картины.

Фотография в жизни современного человека играет огромную роль. И даже когда появилось видео (раньше снимали любительской кинокамерой), фотография не утратила своего значения. Не всегда будешь смотреть свою старую видеопленку. Прежде всего, это занимает много времени. А на фотографию бросил взгляд — и у тебя целый пласт жизни возник. По фотографии можно писать книгу жизни — и

ределкино, есть фотография на могиле Михаила Чехова под Лос-Анджелесом. Мы с другом, живущим там, нашли ее, что было очень трудно. Я просто по интуиции ее нашел. И тут же сфотографировал себя с этой плиточкой Чехова, лежа на траве, потому что эта плиточка не как у нас, а совсем плоская, вровень с землей. И поскольку это уникальный случай — он актер, кумир, — эта фотография стоит у меня дома на столе. Там же стоят фотографии Л.Н. Толстого и А.П. Чехова. Это,

тебе не идет, не личит, как любил говорить Луспекаев. Еще три года назад была к лицу, а сейчас — уже нет. То есть фотография при всей субъективности — это все-таки некий объективный взгляд. В зеркало ты видишь себя практически только в одном ракурсе, не в профиль, не сзади. А актеры обязаны себя знать хорошо.

— **А вы больше тяготеете к цветной фотографии или черно-белой?**

— Я привык больше к черно-белым. Но бывают неплохие и цветные. Это зависит

Михаил Козаков — обаятельный, неотразимый, восторженно любимый. Проходят годы — мимо. Разве что сигарету в его аристократической руке заменила импозантная трубка. Его талант рассказчика — на грани шаманства. Он погружает вас в свою плавную речь, вы слушаете длинные паузы, живописные строки стихов и вдруг срываетесь в его страстный, нервный монолог... Перед глазами встают картинка, будто видишь все на подробнейших фотографиях. Его роли, его фильмы, его спектакли... Все свои книги Козаков любовно иллюстрирует дорогими его сердцу фотографиями.

ЕСТЬ ТОЛЬКО МИМ.

Марина
ЗЕЛЬЦЕР

от фотографа, от того, как он свет ставит, от того, во что ты одет. Вообще же мне больше нравятся фотографии, которые сняты тогда, когда ты беседуешь с кем-то и даже не замечаешь камеры. Такие фотографии часто что-то говорят только тебе одному. У меня есть фотографии со съемок фильма, который я не смог закончить, был в депрессивном состоянии и попал в больницу. И на фотографии видно все напряжение, хотя, может быть, постороннему человеку оно не видно. Я даже помню, о чем думал в тот момент. Я снимал на природе в Петербурге, тогда еще Ленинграде, и на фотографии стою в тулупе, ушанке — было очень холодно. Видно, что у меня на лбу даже жилы вздулись от внутреннего напряжения. А фотография была сделана случайно.

— **А как вы относитесь к вашим фотографиям в прессе?**

— Да никак не отношусь. Конечно, бывает идиотство. Однажды пришел фотограф. И сказал: «Вы не можете обнять свою жену?» Я ее обнял на лавочке. Потом появилась ужасная надпись под фотографией: «Козаков пристает к молодой жене». Но это уже подлость даже не папарацци, это просто обман. Неприятно, конечно. Но три секунды это злит, а потом понимаешь, что это все ерунда.

— **Сейчас вы сами что-то фотографируете?**

— Нет. Аня снимает. В Америке очень много фотографировала. У нас такой фотоаппарат для дураков — он сам все снимает. Мы в основном фотографируем детей: дети на фоне Кельнского собора, Белого дома, дети на Бродвее, в Диснейленде и т.п.

— **А что нужно, по-вашему, кроме таланта фотографа, чтобы получились удачные фотопортреты?**

— Но я же не являюсь фотомоделью, строго говоря. Я не могу четко сказать, что именно. Я замечал, что какой-то фотограф меня хорошо почувствовал, а какой-то нет. Но не всегда я это понимал во время съемки. А вообще я люблю быстро сниматься. Когда же это растягивается на часы, да еще с визажистом, накладыванием грима...

Фотография возвращает нас в прошлое. Я не понимаю людей, которые не думают о прошлом: о близком, о далеком. У меня есть фотография: я стою на пенке, в Александровке, с игрушечной винтовкой в руке, мне лет пять, тобетейка на голове. Это предвоенное время. И няня моя рядом где-то. Ее нет на фотографии, но я чувствую, что она рядом. Это очень важно.

Я могу понять, что можно влюбиться по фотографии, особенно в молодые лета.

своей, и чужой, и времени. По-моему, это многим приходило в голову. Я помню, эта мысль пришла в голову Анне Борисовне Некритиной, вдове поэта-имажиниста Мариенгофа Анатолия Борисовича. Это были друзья нашего дома.

— **Мне кажется, то, что фотография не умерла с появлением видео, связано в том числе с тем, что фотография рождает больше ощущений, воспоминаний, сильнее будит фантазию...**

— Нет, видео тоже рождает. Но фотография схватывает какой-то момент, какие-то секунды. И это поразительно! Вообще, я недавно задумался и понял, что вторая половина XX века, даже начиная с первой трети, в которой я жил, практически вся сфотографирована на пленку.

— **Вы часто перебираете свои фотографии?**

— Вы знаете, я, к сожалению, не рачительный хозяин. Многие утратил, подарил, отдал в Бахрушинский музей. Многие исчезло с моими переездами из дома в дом, из страны в страну. Их были бы тысячи. Их негде было бы даже хранить. Но самые дорогие, конечно, я храню. У меня по стенкам, как и у мамы моей когда-то, висят фотографии моих друзей, моих близких, самых дорогих мне людей.

— **У вас остаются и фотографии, снятые в грустные или тяжелые моменты жизни?**

— Конечно. У меня есть фотография похорон Ахматовой, перезахоронения Бродского. А похороны мамы и папы мы не снимали, есть другие знаки, которые я помню и храню. У меня есть своя привычка — я очень люблю фотографироваться на могилах людей, которых любил. У меня масса таких фотографий: на могиле Арсения Тарковского, Пастернака в Пе-

правда, репродукции с фотографий, но очень хорошие.

— **Что для вас важнее в портрете: когда вы себя узнаете или когда вам открывают в вас же что-то новое, неведомое?**

— Кто-то сказал: человек себя изнутри видит иначе, чем то, каким он объективно является. И поэтому есть такие фотографии, которые тебе ужасно не нравятся. И я рву их. Ты привык к себе такому — тебе не нравится. А все говорят: «Нет, это хорошая фотография». А ты твердишь: «Нет, я тут ужасный». «Нет, нет, она хорошая». Причем говорят люди, знающие тебя хорошо и любящие. Это свидетельство

история. Фотографии со съемок, фотографии репетиций, спектаклей... У них у всех своя жизнь. И они всегда интересны. Они тоже приметы времен прошедших. И для тебя многие из них чрезвычайно важны, дороги. Они напоминают о разных периодах творческой жизни, о том, чем ты «горел» в тот момент.

В своем антрепризном театре, который так и называется — «Русская антреприза Михаила Козакова», я стараюсь снимать свои спектакли, в том числе репетиционные моменты. Сейчас я очень увлечен, просто поглощен постановкой спектакля «Играем Стриндберг-блюз» по пьесе Ф. Дюрренматта «Играем Стриндберга». Постараюсь, чтобы это по возможности осталось в фотографии.

Я делал телевизионное кино, где не всегда, к сожалению, по штату полагался фотограф. Поэтому даже из тех же «Покровских ворот» очень мало фотографий. В большом же кино всегда на съемках был такой момент — «а теперь дадим фотографу снять мизансцену». И мы замирали. Так было в 50-е, 60-е и даже 70-е годы. Когда же я снимал свои телевизионные фильмы, приходилось ограничиваться лю-

того, что ты себя не видишь разным. Но я видел такое количество своих фотографий и изображений на видео и киноленте, что уже сейчас к этому спокойнее отношусь, если это не особо уродская фотография, когда ты на жабу похож. Так же как и видео, фотография помогает тебе осознать, что тебе уже нехорошо играть эту роль, ты плохо в ней смотришься, ты постарел. Она

Помню, как на Невском висела фотография балерины Измайловой. Мне было лет 14–15, и я подходил, стоял и подолгу разглядывал это удивительное лицо. Я так был влюблен в эту фотографию... Хорошо сделанная фотография, особенно портрет, обладает энергией. А энергия эта зависит и от того, кто снимает, и от того, кто снимается. ▣